
Жорж Нива

Солженицын

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Перевел с французского С. Маркиш
в сотрудничестве с автором

ОТ РЕДАКЦИИ

Не так много времени прошло с момента, когда подписчики «Нового мира» получили июльскую книжку за 1989 год, где была помещена Нобелевская лекция А. И. Солженицына. Но уже ясно: имя Солженицына произносится сейчас в нашем обществе иначе, чем имена «просто» больших, даже великих писателей, или «просто» изгнанников, или «просто» мужественных людей. А книги его читаются иначе, чем «обычные» книги. Независимо от своего желания или нежелания (последнее более вероятно) Солженицын стал символом русской прямоты, воли и открытости, и его слово правды впрямь «весь мир перетянет».

Не нам судить, хорошо это или плохо. Это реальность, и с нею необходимо считаться. Видимо, в самой ткани солженицынского письма, в самой энергии его словесного напора читателю слышатся профетические интонации, заставляющие вспомнить об Аввакуме и Толстом, а его трагическая судьба навсегда закрепила за ним репутацию духовного лидера независимой интеллигенции. Настораживает другое. От энтузиазма до эйфории один шаг, от всеобщей любви до спекуляций на имени — ничуть не больше. Не переходит ли мы поминутно запретную черту? «ДН» уже приводила примеры того, как разворачивается настоящая борьба за Солженицына между враждующими литературными группами (№ 10. 1989). Примеры эти можно приводить бесконечно. Солженицынские высказывания толкуются и перетолковываются; его взгляды порой своеобразно интерпретируются. Судя по всему, писатель знает об этом. И представляется не случайным, что он (за редкими исключениями) не дает разрешения перепечатывать в СССР свои публицистические статьи до того, как будут опубликованы все художественные произведения.

В этой ситуации мы, стремясь удовлетворить естественное желание наших читателей подробнее узнать о жизни и глубже разобраться в творчестве Солженицына, остановили свой выбор на книге известного французского слависта Жоржа Нива. Не только потому, что она по праву считается одной из лучших работ о писателе, прочитана и одобрена им. Не только потому, что она блестательно переведена известным литературоведом и переводчиком (ныне живущим в Швейцарии) Симоном Маркишем в сотрудничестве с автором. Но и потому, что она написана человеком, одновременно и глубоко, сердечно любящим Россию, русскую литературу, и свободным от нашей «злобы дня». Книга «Солженицын» отнюдь не бесстрастна. Но она спокойна и трезва, что так важно для нашего здравого понимания солженицынского феномена. Причем это объясняется не тем, что о русском писателе рассуждает «иностранец»; мы читали книги и статьи, принадлежащие зарубежным интерпретаторам, где на Солженицыне и его славе спекулировали пуще нашего. Нет, все дело в позиции исследователя, в его чувстве исторической гистанции (потому перепечатку глав из труда Ж. Нива ни в коей мере нельзя представлять как «призвание варяга!»). С неизбежностью обращаясь вслед за Солженицыным к провоцирующим на «политизацию» темам (Солженицын и Шолохов, ленинская тема, «еврейский вопрос»), Ж. Нива не пытается приглушить или усилить их. И когда он «защитяет» Шолохова от Солженицына при обсуждении проблемы авторства «Тихого Дона», и когда говорит о полемике между автором «Архипелага...» и А. Д. Синявским — полемике, буквально расколотшей русскую литературную эмиграцию на

неравные лагеря,— в этом нет никаких подтекстов, намеков; Ж. Нива никого и ничего не «имеет в виду», ничью сторону не принимает. Единственное, что он себе позволяет — симпатизировать кому-то и чему-то, но, согласитесь, симпатизировать — вовсе не то же самое, что участвовать в «сражении». Он ощущает себя призванным не судить, а понимать — в этом его исследовательская задача. И она нам близка.

Кое-что в восприятии предлагаемой публикации может оказаться для читателя трудным — последствия длительной культурной изоляции продолжают сказываться. Когда Ж. Нива ссылается на работу М. Геллера «Концентрационный мир и советская литература», вышедшую в Лондоне в 1974 году, или упоминает «Записки Соллогуна» А. Панина (Франкфурт-на-Майне, 1973) и т. д., эти ссылки приходится принимать «по веру». Некоторых цитируемых книг нет даже в спецхранах крупнейших библиотек, поэтому полную ответственность за аутентичность приводимых цитат и сведений несет сам автор. Впрочем, информационная ситуация в СССР меняется с каждым днем, и там, где это возможно, мы постараемся с помощью подстрочных примечаний отсыпать читателя к соответствующим советским публикациям.

Несколько проще обстоит дело с текстами самого Солженицына. Ж. Нива цитирует их по выходящему с 1978 года в парижском издательстве «УМКА-Press» Собранию солженицынских сочинений. По этому же Собранию с учетом последующей авторской правки Солженицына перепечатывают и советские журналы. Главы из «Архипелага ГУЛАГ» появились в «Новом мире» (№№ 7—11 за 1989 год), остальные главы публикуются в 1990 году в «Даугаве» и «Волге»; кроме того, в издательстве «Советский писатель» вышло отдельное издание «Архипелаг...», в разных издательствах страны — однотомники солженицынской прозы, преимущественно ранней («Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Случай в Кочетовке» и т. д.). Рассказ «Правая кисть» читатель найдет в «Родине» № 9. 1989. Статью «Жить не по лжи» — в «Век XX и мир» (№ 3) и «Нашем современнике» (№ 10) за 1989 год. Здесь же — «Памяти Твардовского». «Письмо Патриарху Пимену» — «Слово» № 11. 1989. (Последнее перепечатано «пиратски», без ведома автора.)

В 1990 году в «Новом мире», начиная с № 1, печатается роман «В круге первом», затем повесть «Раковый корпус». Сценарий «Знают истину танки!» опубликован в «ДН» — № 11. 1989. В текущем году перепечатываются рассказы (№ 1)¹ и фрагменты романа «Март Семнадцатого», входящего в романную эпопею («повествование в отмеренных сроках») «Красное Колесо». Романы из этого цикла (полностью или частично) можно найти в следующих изданиях: «Звезда» («Август Четырнадцатого»), «Наш современник» («Октябрь Шестнадцатого»), «Нева» (главы из «Марта Семнадцатого») и других. Писательский «толковый словарь» русского языка начнет выходить в «Русской речи» с № 3.

Особняком стоит автобиографическое повествование «Бодался теленок с дубом», так же как и появившиеся позже добавления к нему — «Наши плюралисты», «Сквозь час». Писатель не включил его в Собрание сочинений, не дал согласия на перепечатку в СССР этой книги до ее полной переработки. Рукопись нового варианта передана в «Новый мир» и увидит свет только в 1991 году. Тем не менее мы включили в журнальный вариант исследования Ж. Нивы и главу, построенную на разборе «Теленка», — из контекста легко восстанавливаются эпизоды, о которых идет речь.

Книга «Солженицын» выпущена по-французски издательством «Сёй», русский перевод в 1984-м — лондонским издательством «Overseas Publications Interchange LTD». Для публикации в «ДН» журнального варианта автором внесены дополнения и уточнения.

¹ Один из них — «Захар-Калита» — печатался в «Новом мире» (№ 1. 1966).

Памяти моего дорогого учителя, Пьера Паскаля (1890—1983),
и моего друга и наставника в Оксфорде, Макса Хэйворда
(1924—1979)

Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий.

Исаия

Чтобы оправдать поступки, прежде почитавшиеся неблаговидными, изменяют общепринятый смысл слов.

Фукидид

Линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит кусок своего сердца?

А. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»

Вехи¹

Со стороны отца Солженицын происходит из старинной крестьянской семьи, поселившейся в Ставрополе, к северу от Кавказа. Его дед, Семен, с четырьмя сыновьями и дочерьми обрабатывал средних размеров хутор. Младший сын Семена, Исаакий*, учился в Харькове, потом в Москве, ушел добровольцем на войну; на фронте, летом 1917, женился на Таисии Щербак; был награжден за храбрость. После возвращения домой был ранен на охоте и умер от раны 15 июня 1918 года. Он выведен в «Августе Четырнадцатого» в образе Сани Лаженицына.

Семья матери Солженицына, Щербаки, была богатой семьей на Кубани, где его дед Захар, до конца дней сохранявший свой украинский выговор, владел «экономией» — обширным поместьем, которым он управлял на очень современный лад. «...В детстве он был простым чабаном в Таврии, пас чужих овец и телят... Они, тавричане, привезли на Кавказ найматься батрачить, и получал он тогда много меньше, чем платят сейчас последнему прихожему рабочему...» («Август Четырнадцатого»). Этот дед с материнской стороны — Томчак в «Августе Четырнадцатого» — дал своей дочери Таисии прекрасное воспитание: она училась на сельскохозяйственных курсах кн. Голицыной в Москве. Отец хотел видеть ее агрономом. Брат Таисии, Роман, сорил деньгами, купил «Роллс-Ройс»; фотографию этого автомобиля воспроизвела «Литературная газета» в 1972 году, в разгар кампании против Солженицына.

1918. 11 декабря. Рождение в Кисловодске Александра Солженицына через шесть месяцев после смерти его отца. Немного

спустя умирает его дед с отцовской стороны. Дед с материнской стороны скрывается у своих бывших работников, которые дают ему кров и пищу до самой смерти.

1924. Таисия Солженицына с шестилетним сыном поселяется в Ростове-на-Дону, куда десятью годами раньше ее отец приезжал покупать новейшие английские сельскохозяйственные машины.

Александр ходит с матерью в церковь, но скоро последний храм в Ростове закрывают. Он вступает в комсомол и живет обычной жизнью советского школьника, достаточно радостною, несмотря на денежные трудности матери и плохую квартиру. Тем не менее он никогда не забудет «своего раннего детства, проведенного во многих церковных службах, и того необычайного по свежести и чистоте изначального впечатления, которого потом не могли стереть никакие жернова и никакие умственные теории» («Письмо патриарху Пимену»).

В школе он присоединяется к группе молодых людей, которые поступят вместе с ним в университет и, в той или иной мере, разделят его судьбу. Это «Кока» (Николай) Виткович, у которого позже вырвут несколько нелестных для Солженицына высказываний о его поведении в лагере и с которым капитан Солженицын переписывался перед своим арестом. Кирилл Симонян, который стал врачом и, позже, уступив напрямую, написал против своего бывшего друга памфлет на потребу КГБ. Лида Ежерец, единственная, у кого была хорошая квартира, где друзья и собирались. (Писали импровизированные романы, устраивали спиритические сеансы.) Наталья Решетовская, его первая жена, позже написавшая книгу о своем муже, которую издало агентство печати «Новости» для распространения за границей, училась в другой школе.

¹ Все примечания автора обозначаются звездочками, все примечания редакции — цифрами.— Ред.

* Солженицын непонятно почему изменил свое отчество «Исаакьевич» на «Исаевич».

Этим детством юный Солженицын — староста класса, любитель футбола, поклонник театра, участвовавший во всех школьных постановках (Чехов, Ростан, Лавренев), — был обязан самоотверженности своей матери, которая из-за него не вышла снова замуж.

1936. Поступление в Ростовский университет: Солженицын выбирает физико-математический факультет, его друзья — химический, а Наталья Решетовская занимается, к тому же, и в музыкальном училище. Покупка велосипеда и первые далекие поездки на Кавказ в обществе друга «Коки», «От станицы до станции так вела их всё время дорога, что Хребет был прямо перед ними, к нему они ехали, его они видели, снежные пространства, оголённые скальные выступы да тени угадываемых ущелий. Но от получаса к получасу стал он снизу подтаивать, отделился от земли, уже не стоял, а висел в третью неба...» («Август Четырнадцатого»).

1937. Начало Больших процессов в Москве. Позже, говоря о своем бывшем товарище Симоняне, Солженицын напишет: «О 37-м году и пытках его — ты один из нас чётко знал, и мне втолковывал, а я плохо воспринимал».

1939. Солженицын и его друг «Кока» поступают на заочное отделение Московского института истории, философии, литературы. Одновременно он продолжает свои занятия на физмате в Ростове, сдает экзамены. Наталья Решетовская и Александр Солженицын оформляют свой брак 27 апреля 1940 года.

1941. Солженицын заканчивает университет в Ростове и приезжает в Москву на экзамены в МИФЛИ. С сентября он преподает астрономию и математику в городке Морозовске, к северу от Ростова. Наталья Решетовская получает назначение в ту же школу.

1941. 18 октября Солженицын мобилизован. Сперва он простой солдат, потом его посылают в офицерскую школу в Костроме, на Волге, меж тем как его жена и мать эвакуируются из Ростова.

1942. 1 ноября он получает звание лейтенанта, проводит две недели на транзитном пункте Горьковского вокзала (отсюда он позже возьмет обстановку и атмосферу для рассказа «Случай на станции Кочетовка»*). Потом его отправляют в Саранск, где фор-

мируется артиллерийская группа разведки. В свободные вечера он берется за перо — сочиняет несколько небольших рассказов. В конце 1942 он на фронте; со своим соединением Солженицын проходит путь от Орла до Восточной Пруссии. Он командует «звукобатареей», задача которой — выявлять вражескую артиллерию. В 1946, через год после ареста, он получил от своего бывшего начальника, генерала Травкина, «боевую характеристику»: «За время пребывания в моей части Солженицын был лично дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным, его подразделение по боевой работе и дисциплине считалось лучшим подразделением части. Выполняя боевые задания, он неоднократно проявлял личный героизм, увлекая за собой личный состав, и всегда из смертельных опасностей выходил победителем». В характеристике упоминается ночь с 26 на 27 января 1945 года в Восточной Пруссии, когда Солженицын удалось вывести свою батарею из окружения (та же ночь описана самим Солженицыным в «Сквозь час»). Характеристику генерала Травкина цитирует Решетовская в открытом письме от апреля 1980 — ответе советскому журналисту Н. Яковлеву.

1943. Он пишет рассказ «Лейтенант», получает орден Отечественной войны 2-ой степени после взятия Орла.

1944. 17 января. Смерть матери Солженицына. В том же году Солженицын получает орден «Красной Звезды» после взятия Бобруйска. Его производят в капитаны.

1945. Его переписка с другом «Кокой» Витковичем попадает под надзор военной контрразведки. В письмах они говорят открыто о своих «политических негодованиях», обозначая Ленина уменьшительным «Вовка», а Сталина — кличкой «Пахан». 9 февраля капитан Солженицын был арестован на командном пункте своего начальника, генерала Травкина (см. об этом в 1-й части «Архипелага ГУЛАГ»). Следствие проходило в Москве, в Лубянской тюрьме, описанной в «Круге первом», затем Солженицына перевели в Бутырскую тюрьму. 27 июля 1945 года он был осужден на восемь лет исправительно-трудовых лагерей по статье 58-ой Уголовного кодекса, пункты 10 и 11. «...В похвалу этой статье можно найти еще больше эпитетов, чем когда-то Тургенев подобрал для русского языка или Некрасов для Матушки-Руси: великая, могучая, обильная, разветвленная, разнообразная, всеподметающая Пятьдесят Восьмая, исчерпывающая мир...» («Архипелаг ГУЛАГ»).

* «Кочетовка — реальное название станции. Название было сменено на «Кречетовка» из-за остроты противостояния «Нового мира» и «Октября» (главный редактор — Кочетов)». Примечание Солженицына в Сборнике сочинений.

Его первый лагерь был в Новом Иерусалиме, рядом с Москвой, второй — в самой Москве (стройка у Калужской заставы).

Его жена устраивается в Москве и получает свидания с мужем. Этот первый ГУЛАГОВСКИЙ опыт отражен в пьесе «Олень и шалашовка».

1947. Июнь. Солженицын переведен в Марфинскую «шарашку», или «спецтюрму № 16» в северном пригороде Москвы. Он работает в акустической лаборатории, испытывает новые «модели артикуляции». Он завязывает дружбы с инженером Паниным и германистом Копелевым. Свидания с женой, которые разрешает ему администрация, происходят в Таганской или Лефортовской тюрьме... «Эти свидания были что-то вроде древнегреческих стел — плит-барельефов, где изображался и сам мертвец и те живые, кто ставили ему памятник. Но была на стелах всегда маленькая полоса, отделявшая мир тусклоний от этого. Живые ласково смотрели на мертвого, а мертвый смотрел в Аид, смотрел не весёлым и не грустным — прозрачным, слишком много узнавшим взглядом» («В круге первом»).

Он сочиняет в уме автобиографическую эпопею «Дороженька», которую повторяет наизусть с помощью четок.

1948. Решетовская увольняется из Московского университета и подает на развод, но берет свое заявление обратно.

1950. Май. Солженицына этапируют в лагерь «на общие работы» — в Азию, в Экибастуз, к северу от Караганды (Казахстан). Он работает литейщиком, потом каменщиком (как его герой Иван Денисович). Он становится бригадиром. Он продолжает сочинять огромную поэму «Дороженька», из которой позже восстановит главы 8 («Прусские ночи») и 9 («Пир победителей»). Решетовская получает назначение в Рязань, вновь подает на развод и снова выходит замуж.

1952. 22-28 января. Солженицын принимает участие в Экибастузской «смуте». Сразу после этого бунта (который перекинулся на лагеря в Джезказгане и Кентире), 12 февраля, лагерный хирург в лагерной больнице оперирует Солженицына по поводу злокачественной опухоли в паху. Ткань, иссеченную при биопсии, отправляют на анализ в «вольную» лабораторию, результаты теряются. Больной быстро поправляется и выписывается из больницы 26 февраля.

1953. Февраль. Солженицын освобожден из лагеря и выходит на «вечное ссылнопоселение» в ауле Кок-Терек (Зеленый то-

поль) Джамбульской области (Казахстан), на границе пустыни.

5 марта. Смерть Сталина и первые вольные шаги Солженицына. «То ли место любить на земле, где ты вышел кричащим младенцем, ничего еще не осмысливая, даже показаний своих глаз и ушей? Или то, где первый раз тебе сказали: ничего, идите без конвоя! сами идите! Своими ногами! «Возьми постель твою и ходи!» («Раковый корпус»).

Он снимает угол в глинобитной хатке, у хозяйки, потом покупает собственный домишко. Глубоко сердечная дружба связывает его с супругами Зубовыми, врачами, такими же ссыльными, как он сам. Под именем Кадминых они выведены в «Раковом корпусе», подлинная их история рассказана в «Архипелаге». Он пишет и прячет мелко исписанные листы в бутылку из-под шампанского. Осенью болезнь возобновляется — появляются боли в желудке. Он проходит обследование в Джамбуле, возвращается в Кок-Терек, пытается лечиться корнем мандрагоры.

1955. Ему разрешают выехать на лечение в Ташкент, провести несколько месяцев в больнице — по поводу новой опухоли (в желудке). Два раза он добирается до Ташкента полумертвым, как Костоглотов в «Раковом корпусе». «В ту зиму я приехал в Ташкент почти уже мертвцом. Я так и приехал сюда — умирать. А меня вернули пожить ещё» («Правая кисть»). Его пользует доктор Дунаева (Донцова в «Раковом корпусе») — рентгеновскими облучениями семиномы. Он с головой уходит в писание, и в феврале рак отступает. Впоследствии Солженицын признается друзьям, что вплоть до сегодняшнего дня он уверен: пока он пишет — у него отсрочка.

1956. 6 февраля. Солженицын реабилитирован решением Верховного Суда СССР. В июне 1956 он расстается с Кок-Тереком, едет в Москву, где его принимают Панин и Копелев, потом в Ростов, город своего детства. Он получает назначение в сельскую школу учителем физики, школа находится в поселке Торфопродукт. Он снимает комнату у Матрены Захаровны в деревне Мильцево. Бывшая жена навещает его. Решетовская и Солженицын решают пожениться вновь. Регистрация их второго брака — 2 февраля 1957 года. Матрена гибнет под колесами поезда 21 февраля. 1957—1959. Солженицын поселяется в Рязани, с женой и тещей. Он работает над «Кругом первым» — в полной тайне, продолжая преподавать. «В лагерной телогрейке иду с утра колоть дрова, потом го-

твоясь к урокам, потом иду в школу, там меня корят за пропуск политзанятий или упущения во внеклассной работе» («Бодался теленок с дубом»).

1959. Написан за три недели «Один день Ивана Денисовича». Поездка в Ленинград. Работа над сценарием «Знают истину танки!».

1960. Он пишет пьесу «Свет, который в тебе» («Свеча на ветру»), вызванную к жизни конкретной ситуацией, перенесенной, однако, на абстрактный Запад. Сам автор расценивает эту работу как неудачу.

1961. Пишутся «Крохотки» — стихотворения в прозе. После Двадцать Второго Съезда он решает попытаться напечатать «Один день Ивана Денисовича». Лев Копелев приносит рукопись в журнал «Новый мир». В конце декабря Солженицын едет в Москву по приглашению Твардовского. Он перевозит свой архив к другу своей жены, инженеру и антропософу Теушу, «под новый 62 год».

1962. В октябре после долгих переговоров с властями Твардовский получает разрешение Хрущева и печатает в № 11 своего журнала «Один день Ивана Денисовича», снабженный коротким предисловием. Весть об этой публикации облетает весь мир. Солженицын сразу становится знаменитостью. Его представляют Хрущеву на одном из кремлевских приемов. В декабре «Правда» публикует отрывок из рассказа «Случай на станции Кочетовка».

1963. В «Новом мире» напечатаны «Матренин двор» и «Случай на станции Кочетовка». В советской прессе раздаются первые враждебные Солженицыну голоса, между тем как автор получает от читателей «Ивана Денисовича» бесчисленные письма, из которых, немного спустя, он составит антологию («Читают «Ивана Денисовича»»).

«Новый мир» публикует рассказ «Для пользы дела», написанный специально для этого журнала, и выдвигает кандидатуру Солженицына на Ленинскую премию. «Моя несчастная слава начинала втягивать меня в придворно-партийный круг. Это уже породило мою биографию («Теленок»).

Поощряемый вниманием исполнской читательской аудитории, Солженицын переживает небывалый творческий подъем — начинает «непомерно много сразу»: «Архипелаг ГУЛАГ» (материалы стекаются ото всех бывших заключенных страны; в предисловии к «Архипелагу» Солженицын выразит признательность 227 из них). «Раковый корпус», роман о революции 1917.

Он начинает «чистить» «Круг первый» для возможной публикации. Большой ча-

стью он работает за городом — в Солотче близ Рязани, на берегу ручья, за столиком под дубами.

1964. Солженицын расстается с учительством. Его кандидатура на Ленинскую премию отклонена — предвестие близкого падения Хрущева, покровителя Солженицына. На Пасху Александр Твардовский приезжает на три дня в Рязань — читать роман «В Круге первом» («очищенный» вариант).

Сентябрь. «Новый мир» публикует большую статью критика В. Лакшина против хулигов Солженицына.

1965. Солженицын покупает дачный домик рядом с деревней Рождество на реке Истье (к юго-западу от Москвы). «Крохотки», которые ходят в самиздате, приобретают широкую известность.

Октябрь. Свержение Хрущева. Солженицын в Тамбовской области, он разыскивает очевидцев крестьянского восстания на Тамбовщине в 1920—1921 гг. Начинает писать историческую эпопею «Р 17» («Красное колесо»).

1965. Сентябрь. Обыск у Теуша. КГБ захватывает много рукописей, в том числе — «Круг первый», лагерные поэмы, пьесы (в частности — «Пир победителей»); об этом рассказано, довольно неверно, в книге Ильи Зильберберга «Необходимый разговор с Солженицыным» (вышла в 1976 году в Англии). Солженицын поселяется в Переялкине у К. И. Чуковского.

1966. Солженицын продолжает в разных местах (Рождество-на-Истье, Солотча и другие «горы», среди которых однаironически обозначена именем «Укрытие») писание «Архипелага», который будет закончен в 1968. «Нагрянь сейчас КГБ — и слитый стон, предсмертный шепот миллионов, все невысказанные завещания погибших — всё в их руках, этого мне уже не восстановить, голова не сработает больше» («Бодался теленок с дубом»).

В январском номере «Нового мира» напечатан «Захар-Калита». Солженицын передал журналу Твардовского рукопись «Ракового корпуса».

Февраль. Процесс над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем и обвинительный приговор. Начало открытого «диссидентства».

17 ноября. Собрание секции прозы Московского отделения Союза писателей, созданное по просьбе Солженицына: обсуждается «Раковый корпус». Положительный отзыв Каверина. Собрание рекомендует роман к печати. Солженицын чувствует неуверенность ГБ и заключает: «Я стал идеологически экстерриториален».

30 ноября. Публичное выступление Солженицына в институте Востоковедения, а раньше, в октябре, «у физиков в институте Курчатова».

1967. Весна. Обращаясь к заметкам и черновикам двадцатилетней давности, Солженицын отдается работе над большим историческим романом о революции 1917 г. («Р 17»). «Тот роман уже 30 лет — с конца 10-го класса, у меня обдумывался, перетряхивался, отлаживался и накоплялся, всегда был главной целью жизни, но еще практически не начат, всегда что-то мешало и отодвигало» («Богался теленок с дубом»).

Март. Интервью со словацким журналистом Павелом Личко.

22 мая. Открытие Четвертого Съезда Союза писателей СССР. Солженицын обращается к делегатам с открытым письмом, в котором обличает вред цензуры, а также преследования, направленные против него лично. «Я предлагаю Съезду принять требование и добиться упразднения всякой — явной или скрытой — цензуры над художественными произведениями, освободить издательства от повинности получать разрешение на каждый печатный лист».

Шолохов требует: «Не допускать Солженицына к перу!»¹

Можно утверждать, что именно с этих пор, с мая 1967 года, начинается открытая и беспощадная борьба писателя Солженицына против советской власти.

Он начинает записывать главные эпизоды этой борьбы в «очерках литературной жизни», которые получат заглавие «Богался теленок с дубом». «Охотники знают, что подранок бывает опасен» (последняя фраза занесенная в рукопись будущего «Теленка» накануне отправки письма Съезду).

Последняя туристская поездка по центральной России с женой, Репетовской, и общими друзьями, Ефимом и Екатериной Эткиндами.

12 сентября. Солженицын еще раз обращается в Союз писателей с требованием, чтобы Союз отмежевался от клеветы против него.

22 сентября. Солженицын вызван на заседание Секретариата Союза писателей: он остается на своих позициях.

Декабрь. Верстка «Ракового корпуса» (Ч. I) в «Новом мире».

1968. Солженицын укрывается близ Солотчи, под Рязанью, в холодной избе Агафьи (второй Матрены). Он пишет, не покладая

рук, первый узел «Р 17» — «Август Четырнадцатого». «Обложился портретами самсоновских генералов и дерзал начать главную книгу своей жизни». Работа продолжается в Рождестве-на-Истье.

16 апреля. Солженицын распространяет среди членов Союза писателей документы о своем столкновении с Секретариатом Союза. Он чувствует, что миссия его исполняется: «Шла Вербная неделя как раз, не холодная. В субботу 13-го пошел даже снег, и обильный, и не таял. А в вечерней передаче БиБиСи услышал: в литературном приложении к «Таймсу» напечатаны «пространные отрывки» из «Ракового корпуса». Удар! — громовой и радостный! Началось! Хожу и хожу по прогулочной тропке, под весенным снегопадом — началось! И ждал и не ждал. Как ни жди, а такие события разражаются раньше жданного» («Богался теленок с дубом»).

«Раковый корпус» и «В круге первом» выходят за границей.

26 июня. «Литературная газета» публикует краткое письмо Солженицына, которое она придерживала уже несколько месяцев. Солженицын осуждает заграничные издания и «поспешность» переводчиков. Письмо сопровождается пространной и враждебной статьей. Между тем Солженицыну удается передать на Запад микрофильм рукописи «Архипелаг ГУЛАГ». «Как на гавайском прибое у Джека Лондона, стоя в рост на гладкой доске, никак не держась, ничем не притянут, на гребне девятого вала, в раздире легких от ветра — угадываю! предчувствую: а это — пройдет! а это — удастся! А это слопают наши!» («Богался теленок с дубом»).

Отрывок из «Ракового корпуса» появляется в чехосlovakском журнале «Пламен» (Прага). Первая встреча с Натальей Светловой.

21 августа. Вторжение в Чехословакию. Солженицын набрасывает листовку в герценовском духе: «Стыдно быть советским!», но отказывается от мысли ее напечатать, чтобы не подставить под удар «Архипелаг». «Надо горло поберечь для главного крика. Уже не долго осталось».

Декабрь. Солженицын узнает, что ему присуждена в Париже премия «За лучший иностранный роман».

Он продолжает работы над «Р 17», в частности — в архивах Исторического музея.

1969. Лето. Путешествие по северной России, по берегам Пинеги, к истокам старообрядческого духа сопротивления. В этой поездке Солженицына сопровождает Наталья Светлова.

¹ См. подробнее: Симптомы болезни. Письмо А. Т. Твардовского К. А. Федину. «Огонек» № 47, 1989.

лова, с которой они задумывают издавать самиздатовский национальный журнал. (Этот замысел приобретет первые конкретные черты несколько лет спустя — в сборнике «Из-под глыб».)

4 ноября. Исключение из Рязанского отделения Союза писателей. Солженицын присутствует на заседании, горячо отбивается. Он приводит товарищам по перу некрасовские строки: «Кто не знает печали и гнева,/ Тот не любит отчизны своей».

12 ноября. Официальное извещение об исключении. Солженицын обращается к Союзу писателей с открытым письмом. Он резко нападает на членов Секретариата: «Расползаются ваши дебельные статьи... аргументов нет, есть только голосование и администрация». Он обвиняет их в слепой ненависти и бросает: «Всё-таки вспомнить пора, что первое, кому мы принадлежим,— это человечество».

По случаю пятидесятилетия Солженицын получает бесчисленные поздравления и приветствия.

1970. Солженицын живет в фактическом браке с Натальей Светловой, московским математиком, очень активной и известной среди инакомыслящих (диссидентов). Он пытается получить развод от первой жены. Прописка в Рязани (где живет Решетовская, первая жена) потеряна, московской прописки нет. Он находит приют у виолончелиста Мстислава Ростроповича в подмосковном дачном поселке Жуковка¹. «Да при дремлющем роке и само житье у Ростроповича в блаженных условиях, каких у меня никогда в жизни не было (тишина, загородный воздух и городской комфорт), тоже размагничивало волю» («Богался теленок с губом»).

Рождение старшего сына Солженицына, Ермоля.

Присуждение Солженицыну Нобелевской премии по литературе, по инициативе французского писателя Франсуа Мориака; Солженицын отказывается от поездки в Стокгольм (для получения премии). Статьи в газетах и журналах всего мира. 14 октября дань уважения писателю приносит французский коммунистический еженедельник «Летр франсез»: автор статьи-поздравления «Самому великому из ныне живущих писателей России» — Пьер Дэкс, главный редактор еженедельника — Луи Арагон.

Солженицын поручает ведение своих дел юрихскому адвокату Хеебу.

1971. В Париже выходит по-русски первый узел исторической эпопеи «Р 17» — «Август

Четырнадцатого»; книга завершается послесловием, обращенным к читателям-эмигрантам. КГБ устраивает обыск в домишке в Рождестве-на-Илье. 1971 год — своего рода передышка в борьбе: «Хотя и следующий, 71-й, год я совсем не бездеятельно провёл, но сам ощутил его как проход полосы затмения решимости и действия» («Богался теленок с губом»).

18 ноября. Западногерманский журнал «Штерн» публикует интервью с теткой Солженицына по матери, где делаются намеки на его социальное происхождение. «Литературная газета» проворно перепечатывает статью из «Штерна».

Смерть Твардовского.

1972. Великопостное письмо патриарху Пимену.

Рождение второго сына, Игната.

Февраль. Встреча с Генрихом Беллем. Вернувшись на Запад, Белль удостоверяет подлинность завещания, которое Солженицын направил адвокату Хеебу в Цюрих. Он вывозит один экземпляр сценария «Знают истину танки!». В том же году «Архипелаг» вывез на запад писатель Вадим Леонидович Андреев.

30 марта. Интервью газетам «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост». Солженицын опровергает клевету, которая льется на него с каких-то тайных трибуи, жалуется, что ему закрыт доступ в архивы его собственной страны, что собирать материалы о России ему труднее, чем если бы он писал о Полинезии. Возражая на статью в журнале «Штерн», он объясняет свою родословную.

Один финский журналист публикует — с очевидным недобрым умыслом — книжку, в которой изображает «германофильство» автора «Августа Четырнадцатого».

Апрель. Вручение Солженицыну Нобелевской премии представителем Шведской Академии отменено в результате хитрых маневров шведского посольства в Москве. Солженицын дает по этому поводу объяснения в заявлении для печати.

21 августа. «Открытое письмо» министру внутренних дел с протестом против преследований которым он подвергается в своей семейной жизни (бесконечные откладывания бракоразводного процесса, запрещение жить в Москве, в квартире Н. Светловой, фактической жены Солженицына, матери его детей). Писатель саркастически напоминает министру, что крепостное право отменено в России уже сто двенадцать лет назад и что Октябрьская революция, как всюду говорят и пишут, уничтожила последние его следы.

23 августа. Интервью газете «Монд» и

¹ Фрагменты из записок Г. Вишневской («Солженицын и Ростропович»), см.: «Юность» № 6. 1989.

агентству печати «Ассошиейтед пресс». Снова жалуясь на притеснения, которые он терпит, Солженицын призывает к жертвенности и заявляет, что «тюрьма наша отступает и прячется».

1973. Август. В Москве начинается процесс Якира и Красина. Сахаров заявляет на пресс-конференции: «СССР — это огромный концлагерь».

3 сентября. Солженицын узнает, что Елизавету Воронянскую, которая перепечатывала «Архипелаг ГУЛАГ» и спрятала у себя — без его ведома — один экземпляр машинописи, допрашивали три дня без перерыва в КГБ и она выдала тайник; после этого Воронянскую нашли повесившейся у себя в комнате. Двумя днями позже Солженицын оглашает эту новость и отдает распоряжение печатать «Архипелаг» на Западе. «Бирнамский лес пойдет». Угрозы и анонимные письма множатся.

Конец декабря. В Париже в издательстве «ИМКА-Пресс» (руководитель — Никита Струве) выходит по-русски первый том «Архипелага ГУЛАГ». «С плеч — да на место камушек неподъемный, окаменелая наша слеза» (*«Боится теленок с дубом»*).

Сентябрь. Рождение третьего сына, Степана.

1974. Январь. Кампания против Солженицына в советской прессе достигает неслыханного накала. 19 января в интервью журналу «Тайм» Солженицын заявляет: я верю в наше раскаяние и в наше духовное очищение.

12 февраля. «Московский призыв»: призыв к сопротивлению и отказ от всякой лжи (*«Жить не по лжи»*).

13 февраля. Арест, заключение в Лефортовскую тюрьму. Солженицын лишен советского гражданства и осужден на изгнание. Специальным самолетом его доставляют в Западную Германию. Поездка к Генриху Беллю, Солженицын поселяется в Цюрихе, где живет его адвокат и где он находит следы Ленина в эмиграции.

20 февраля «Литературная газета» печатает огромную статью «Продавшийся» (о предательской деятельности А. И. Солженицына).

3 марта. Публикация за рубежом *«Письма вождям»*, отправленного за полгода до того руководителям СССР и призывающего их положить конец идеологической монополии марксизма и развивать северо-запад русских пространств.

Наталья Светлова-Солженицына получает разрешение присоединиться к мужу, а с нею — четверо детей (старший — от первого брака) и мать.

17 июня. В интервью агентству печати

СиБиЭс Солженицын критикует тех своих соотечественников, которые эмигрируют добровольно, и сокрушается о слабости Запада. Он объявляет о создании «Русского общественного фонда помощи заключенным и их семьям». Все доходы от продажи «Архипелага ГУЛАГ» полностью будут поступать в этот фонд.

Ноябрь. Солженицын устраивает пресс-конференцию на своей вилле в Цюрихе и представляет собравшимся сборник *«Из-под глыб»*. Направление сборника — религиозное и национальное. Солженицыну принадлежит предисловие «От составителей» и три статьи — *«На возврате дыхания и сознания»*, где он уточняет свою позицию в старой полемике с Сахаровым относительно понятия «прогресс»; *«О раскаянии и самоограничении»*, где он развивает мысли *«Письма вождям»* о необходимости для России развить «внутреннего» и ограниченно-го; и *«Образованщина»*, где он порицает советскую интеллигенцию, цепляющуюся за свои привилегии, и призывает ее к жертвенности, к самопожертвованию.

Декабрь. Во время встречи в Цюрихе с Полем Фламаном и Клодом Дюраном Солженицын поручает издательству «Сей» ведать его авторскими правами в мировом масштабе (с июня 1978 года правами продолжает распоряжаться Клод Дюран в рамках русского издательства «ИМКА-Пресс»). 1975. Апрель. Поездка в Париж по случаю выхода в свет *«Теленка»*. Телевизионные дебаты (передача *«Апостроф»*) и пресс-конференция, на которой Солженицын рассказывает о помощи, оказанной ему Генрихом Беллем.

Июнь. Поездка в США по приглашению профсоюзов АФТ-КПП. Солженицын произносит две важных речи (30 июня в Вашингтоне, 9 июля в Нью-Йорке), его торжественно принимает американский Сенат. «Американские речи» — предупреждение против ослепленности западных демократий и призыв к твердости.

Октябрь. Выход в свет *«Ленина в Цюрихе»*, избранных глав из первого и второго «узла» большой исторической эпопеи *«Р 17»*, теперь получившей название *«Красное колесо»*.

Выход в свет воспоминаний первой жены Солженицына — по-русски и в Москве, но для продажи исключительно за границей. 1976. Март. Новая поездка в Париж по случаю показа фильма, снятого по *«Одному дню Ивана Денисовича»*. После фильма (переданного по телевидению) состоялась телевизионная дискуссия с участием Солженицыни.

Конец марта. Поездка в Испанию. Испанская левая пресса расценивает заявление Солженицына о мягком и благотворном характере диктатуры в Испании как возмутительные.

Апрель. Интервью английскому телевидению. В этом интервью Солженицын определяет жанр «Ленина в Цюрихе» как творческий поиск. Борис Суварин печатает в журнале «Эст-Уэст» статью, где осуждает эту книгу за ошибки против истории.

Октябрь. Солженицын покидает Цюрих и поселяется в США, в штате Вермонт, близ городка Кавендиш. Он покупает около двадцати гектаров земли; на этом участке, кроме жилого дома, оборудуется библиотека для хранения рукописей и печатных материалов, посвященных России. Некоторые журналисты, недовольные тем, что им отказывают в приеме, изображают в американской печати «новый электронный ГУЛАГ» Солженицына. «Он пишет — по меньшей мере десять, а часто и шестнадцать часов подряд. Написанное покрывает всю поверхность бесчисленных листков и листиков: он старательно избегает какого бы то ни было расточительства. Нередко Александр Исаевич до того поглощен своей работой, что забывает поесть. Его жена, методически и решительно заботящаяся о повседневных нуждах своего мужа, никогда не прерывает его писания. Когда же он останавливается, чтобы утолить голод, в этом нет, разумеется, никакой регулярности, как у простых смертных. Время, отданное еде, он считает растратенным нелепо и попусту» (Уильям Кнаус. «Русская медицина изнутри»).

1977. Сентябрь. Призыв к русским эмигрантам о помощи в создании «Библиотеки русской памяти».

1976—1979. Ставясь не привлекать к себе внимания, Солженицын посещает различные университеты Америки, обладающие русскими архивными фондами: Гувер Инститют (Калифорния), Йэл, Гарвард. Он упорно работает над «Красным колесом»: переделывает первый «узел» («Август четырнадцатого»), пишет два следующих («Октябрь Шестнадцатого» и «Март Семнадцатого»); несколько отрывков появляется в парижском журнале «Вестник русского христианского движения».

1978. Наталья Солженицына приезжает в Париж для публичной кампании в защиту А. Гинзбурга, Ю. Орлова и А. Шаранского.

Май. Нарушая свое долгое молчание, Солженицын соглашается председательствовать на Актовом дне (годичном выпускном акте) в Гарвардском университете. С этой

трибуны он делает торжественное и суровое предупреждение западному миру, виновному в том, что за высшее благо принял «счастье» и оказался слеп к другим самостоятельным культурам (в том числе — к русской). Корнем зла он объявляет западный гуманизм. «Коммерческий базар» на Западе ничем не лучше «партийного базара» на Востоке. Единственный выход Солженицын видит в личном мужестве, пример которого подает Россия.

Эта речь вызвала много споров. Некоторые комментаторы сопоставляли ее с речью Джорджа Маршалла, произнесенной тридцатью годами раньше, только тогда дело шло о плане материальной помощи Европе, а теперь — о помощи моральной всему Западу. Другие комментаторы возмущались «правом не знать», которого требовал Солженицын, имея в виду крайности свободы печати на Западе, равно как и его апологией «теократии» и узостью его суждений об Америке.

8 июня. Солженицын опровергает «вымыслы» Ольги Карлайл, содержащиеся в ее книге «Солженицын и тайный круг» (по-английски), где рассказывается о помощи, которую автор книги оказывала писателю, и о его «неблагодарности».

Декабрь. Выход в свет двух первых томов русского Собрания Сочинений. Издание подготавливается в Кавендише Солженицыным и его женой и выпускается в Париже православным издательством «ИМКА-Пресс». Первые два тома содержат «полный и окончательный» вариант романа «В круге первом» (в 96 главах вместо прежних 87) — «Круг 96», как он назван в «Теленке».

1979. Февраль. Появление нового «дополнения» к «Теленку» («Сквозь час»). Солженицын отвечает на вновь изготовленную в Москве клевету против него и его семьи.

Интервью с Дж. Сапиетом (БиБиСи) по случаю пятой годовщины высылки из СССР. Солженицын уточняет свою новую концепцию Февральской революции: он видит в ней катастрофу, главные виновники которой — русские либералы. Предупреждение Западу, который готовит себе свой «февраль 1917». Солженицын утверждает, что подлинное моральное освобождение личности происходит в России — через отказ от лжи. Он не считает себя эмигрантом; по его мнению, «узел всей человеческой истории» сегодня — в России.

28 апреля. Освобождение А. Гинзбурга и еще четырех диссидентов, обмененных на двух советских шпионов. Солженицын принимает Гинзбурга у себя в Вермонте.

Июль. Тома 3 и 4 Собрания Сочинений;

первые выпуски «Библиотеки русской памяти».

Сентябрь—ноябрь. Многие участники диссидентского движения в эмиграции обвиняют Солженицына в фанатизме по образцу Хомейни. Солженицын отвечает, разоблачая эти «персидские трюки».

1980. 27 марта. Заявление по поводу ареста священников Глеба Якунина и Димитрия Дудко («Брежнев не выдерживает глаз священника»).

Наступление Солженицына против «слабости» Запада вызывает очень обильные возражения, на которые весной 1980 он отвечает решительными контратаками.

Полемика с Борисом Суварином, который отметил множество ошибок в книге «Ленин в Цюрихе».

Полемика с несколькими американскими историками, в частности, с Ричардом Пайпсом, в журнале «Форин эфферз». Ответ Солженицына напечатан в апрельском номере.

Ольга Карлайл возбуждает против Солженицына дело о диффамации. В августе 1981 суд отказывает ей в иске.

Собрание Сочинений продолжает выходить. Тексты по-прежнему набираются в Кавендише Натальей Солженицыной и публикуются в Париже издательством «ИМКА-Пресс». В том 8 включены пьесы, созданные устно, на память в Экибастузском лагере, в частности — «Пир победителей».

1981. Полемика против Солженицына в среде эмигрантов обостряется. (Ал. Янов спрашивает в «Новом Американце», почему люди, которые умоляли соотечественников «жить не по лжи», так бесцеремонно лгут, когда они в изгнании.)

1982. В январе Солженицын публикует заявление о «главном уроке» польских событий.

Солженицын завершает работу над новым вариантом «Августа Четырнадцатого» и над «Октябрем Шестнадцатого». Наступает один из «передыхов» между узлами. Поездка в Японию и на Тайвань. Солженицын предостерегает японцев против искушения достигнуть согласия с правительствами Пекина и Москвы. «Я особенно хочу вас предостеречь от роковой ошибки: считать советское и пекинское правительство национальными, а советскую агрессию понимать как «русскую». Научитесь понимать русский народ как вашего союзника». Он призывает японцев хранить верность своему принципу самоограничения.

1983. 10-го мая Солженицын получает в Англии Темплтоновскую премию «За вклад в развитие религиозного сознания». В Лондонском Гилдхолле он говорит об атеизме как о «петле на человечестве».

Продолжение работы над «Красным колесом», которое автор определяет как «поствествование в отмеренных сроках» и разделяет на Действия и «узлы». Завершение первого Действия («Революция») в трех узлах (и восьми книгах).

Начало публикации трех первых узлов в издательстве «ИМКА-Пресс».

В «Вестнике Русского Христианского Движения» (№ 139. 1983) публикуется отрывок из второго тома «Очерков литературной жизни», первым томом которых является книга «Богался теленок с дубом». Эта публикация показывает, что Солженицын продолжает вести свой литературный дневник. Отрывок — под заголовком «Наши плюралисты» — направлен против идеологических врагов Солженицына в русской эмиграции и вызвал острый и сердитый ответ Синявского во французской печати. Солженицын изобличает «охамление русской истории» и «ненависть к православию».

Споры

«История — это сами мы, и не минуты нам сажим взволочить на себя и вынести из глубин ожидаемого так жадно».

Предисловие к сборнику «Из-под глыб»

С самой юности, по-видимому, Солженицын был одержим глубинным убеждением некоей «предопределенности». В восемнадцать лет молодой Солженицын уверен, что он обновит нашу идею и наше понимание русской революции, обновит ленинизм, скажет

новое слово. Все, кто хорошо его знал, говорят об этой внутренней уверенности, уже тогда заставлявшей его работать по пятнадцать часов в сутки, строго отмерять время на развлечения и на еду, воздерживаться от всего отвлекающего, уводящего

в сторону. Солженицын — человек прямой линии. (Это совсем не значит, что он не знал в своей жизни зигзагов: марксист стал христианином и диссидент любуется теократией; он колебался меж литературой, математикой и театром; он начал свою личную жизнь сначала, перевалив за пятьдесят; он по преимуществу «тактик» литературной войны.) В 29 главе «Ракового корпуса» Солженицын вспоминает Китовраса, русский вариант мифологического кентавра: «Жил Китоврас в пустыне дальней, а ходить мог только по прямой. Царь Солomon вызвал Китовраса к себе и обманом взял его на цепь, и повели его камни тесать. Но шёл Китоврас только по своей прямой, и когда его по Иерусалиму вели, то перед ним дома ломали — очищая путь. И попался по дороге домик вдовы. Пустилась вдова плакать, умолять Китовраса не ломать ее дома убогого — и что ж, умолила. Стал Китоврас изгибаться, тискаться, тискаться — и ребро себе сломал. И дом — целый оставил. И промолвил только: «мягкое слово кость ломит, а жесткое гнев вздизает».

Солженицын восхищается Китоврасом, как восхищается он и князем Гвидоном: уметь идти по прямой, всегда по прямой, никогда не отступать перед злом, жестокостью, злобой. Но уметь уступать смиренным, «мягкому слову»... Есть что-то от Китовраса и в нем самом. Чтобы суметь взять верх над правительством своей страны, над враждой и коварством литературных приставов, чтобы из восьмилетней категории вынести непреложное решение «заставить мертвых заговорить», — для этого нужно было упорство Китовраса.

Конечно, жить рядом с Китоврасом не легко. В свидетельствах бывшей жены, бывших товарищей по работе, «доверенных лиц» в Соединенных Штатах наружу прорывается бунт против «авторитарности», «деспотизма» Китовраса. Впрочем достаточно, пожалуй, прочитать «Бодался теленок с дубом» или же укоризненное письмо патриарху Пимену. К Пимену Солженицын обращается на Пасху 1973 года с суровым посланием: «Ни перед людьми, ни тем более на молитве не склоняй, что внешние путы сильнее нашего духа. Не легче было и при зарождении христианства, однако оно выстояло и расцвело. И указало путь: жертву. Лишенный всяких материальных сил — в жертве всегда одерживает победу. И такое же мученичество, достойное первых веков, приняли многие наши священники и единоверцы на нашей живой памяти. Но тогда бросали львам, сегодня же можно потерять только благополучие».

Эти упреки патриарху, на плечах которого лежит задача сохранить христианство организационно в атеистической стране, — и человеку, который провел десять лет в ГУЛАГе, — поразили многих православных. Священник Желудков, известный своим духом сопротивления, публично возразил писателю, что он неправ, бросая вызов пастырю, который, по определению, обречен на молчание. В нашем обществе, полностью подчиненном одному-единственному Центру, писал о. Желудков, Церковь не может быть единенным «островом свободы».

Недоразумения того же типа повторятся после появления «Теленка». Друзья и дочь Твардовского будут возмущены портретом поэта и главного редактора «Нового мира». Неблагодарность, ослепление, самодовольство, эгоцентризм — вот как они воспринимают и оценивают солженицынскую «прямую».

Одним словом, всякий раз, как Солженицын применяет принцип Китовраса, он тяжко оскорбляет людей чувствительных и честных, но втянутых в компромисс с действительностью. Призыв к объединению трех разъединенных ветвей русского православия в 1975, Гарвардская речь весной 1978 — всегда и неизменно то же действие и та же реакция.

Вся хитрость в том, что Солженицын — в известном смысле — всегда прав. Не будь он прав, и обиды не было бы. Непреклонность Китовраса — это его оружие, но оно ранит многих. Тем более, что сюда добавляется еще и педантизм школьного учителя, какая-то снисходительность педагога.

Иные из близких к нему людей упрямятся или прямо бунтуют. Его первая жена написала книгу, которая так вся и горит обидой. Выпущенная советским агентством печати «Новости», эта книга воспоминаний находилась под опекой исключительно влиятельного литературного агентства, распространявшего ее только за пределами СССР; агентом была сама советская власть... И все же чтение ее убеждает, что это не фальшивка: невзгоды и мелочность брошенной жены были умело использованы для пропагандистского маневра. Другой взбунтовавшийся — Владимир Лакшин, «правая рука» Твардовского в «Новом мире», известный и уважаемый критик (по Солженицыну — «гений осмотрительности»). Читая «Теленка», Лакшин задыхается от негодования. Солженицын для него — мародер, обирающий покойников. «Я знаю, как жалко людям расставаться с кумиром Солженицыным. Он долго был воплощением нашего мужества,

нашей совести, нашей бесстрашной памяти о прошлом. Но что делать, если и эта подпорка падает? Надо научиться жить без нее». Злоба, мелочность, спесь, нетерпимость напоминают Лакшину о словах Чехова, сказанных по поводу Толстого: «Все великие мудрецы деспотичны, как генералы, и невежливы и неделикатны, как генералы, потому что уверены в безнаказанности». Наконец, несколько теряя чувство меры, Лакшин усматривает в Солженицыне «безразличье к средствам» — результат сталинского воспитания, полученного в лагерях. «Воспользовавшись в правой ненависти к сталинизму, Солженицын незаметно в свой мозг и душу впитал его яды — и не оттого ли в его книге так много нетерпимости, злобы, изворотливости, неблагодарности?»

Третья обиженная книга принадлежит Ольге Карлайл, американской журналистке русского происхождения, внучке Леонида Андреева. Она рассказывает («Солженицын и тайный круг», вышла в Америке по-английски в 1978) о своей роли в тайной сети, помогавшей Солженицыну публиковать — оставаясь в России — «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ», и о «неблагодарности» писателя, который в «Теленке» отозвался о ней презрительно и враждебно (в русском издании он не назвал ее по имени, но в американском, более позднем, — назвал). Она тоже рисует портрет «деспота», жертвуемого своими приближенными, как только что-либо в их поведении кажется ему предосудительным. В одном из прибавлений к «Теленку» Солженицын пишет, что Ольга Карлайл всегда играла роковую роль в истории его книг.

Ни один из трех названных выше авторов не согласен полностью с двумя другими, но во всех трех текстах безошибочно виден один «общий знаменатель» — общая жалоба на «тиранию» человека, одержимого своей идеей и безразличного к ее живым исполнителям.

Это не все — множество других споров разгоралось вокруг Солженицына. Упомянем книгу Ильи Зильберберга «Необходимый разговор с Солженицыным» (1976), полемику между Солженицыным и его двумя биографами, Бургом и Фейфером, или еще — но на много этажей ниже! — книгу лондонского издателя Флегона, единственный интерес которой — чисто и узко патологический.

Зильберберг, друг инженера на пенсии В. Л. Теуша, рассказывает, главным образом, об обыске, который был устроен у него в 1965 году. Теуш отдал ему на лето

архивы Солженицына и свой собственный (антропософские сочинения, в том числе — этюды об «Одном дне Ивана Денисовича»). Отсутствие какой бы то ни было реакции со стороны Солженицына после обыска, его ледяное безразличье к Теушу поражают автора: «Я считал такое ваше поведение позорным предательством — и в личном и в «общественном» смысле, — пишет он, обращаясь к Солженицыну. — Такой реакции с вашей стороны невозможно было предположить. Она была и непонятной и непозволительной...»

Впрочем Солженицын опережает своих хулигов. Как сказочный богатырь, теряющий мало-малу своих спутников, он знает, что ему не избежать потери приверженцев: «Следующими шагами мне неизбежно себя открывать: пора говорить всё точней и идти всё глубже. И неизбежно терять на этом читающую публику, терять современников, в надежде на потомков. Но больно, что терять приходится даже среди близких».

«Явление» Солженицына отмечено изменениями, коварными ударами не только со стороны его естественных врагов. История того, как «принимала» Солженицына каждая из западных стран, и в особенности, Франция, могла бы составить целую летопись. У французской широкой публики «Архипелаг ГУЛАГ» стал бесспорным бестселлером, но появление его сопровождалось многочисленными стычками и схватками, начиная с литературной передачи по телевидению, где автора обозвали «литературным власовцем» (термин, введенный «Литературной газетой»), и кончая памфлетом Алена Боске «Я не согласен, Солженицын». Франция сильнее противится солженицынской «вести», потому что она более «идеологизирована» по сравнению с ангlosаксонским миром и потому что миф русской революции — отприск ее собственного революционного мифа. Нам потребовался Солженицын, чтобы понятия добра и зла вновь вошли в наше «восприятие» истории, чтобы коммунистические партии Западной Европы «европеизировались» (какой бы незначительной ни была их «европеизация»), чтобы поколение мая 68-го задумалось, вместе с Бернар-Анри Леви, Андре Глюксманом и другими, о «варварстве с человеческим лицом». «Данте нашего времени» изменил наше видение мира, вернул ему восприимчивость к аду и чуткость ко спасению.

В Испании, где франкизм доживал свои последние дни, Солженицын вызвал скан-

дал: то, что он видел в этой стране, заявил он,— книжные магазины, забитые Марксом и левыми изданиями,— внушает мысль, что о тоталитарном режиме здесь нечего и говорить. Испанские левые газеты подняли возмущенный крик, обвиняя бородатого лжепророка в словоре с «бункером» Каудилю.

После Гарварда была настоящая буря негодования (хотя и учтивого) против этого человека с другой планеты, который явился упрекать западный мир в потере «воли» и даже «мужественности». Странно неловкий, чуть сгорбленный, постаревший и словно бы отчужденный, рассеянный в окружении старомодного гарвардского убранства, Солженицын вновь нашел в себе силу пророка, чтобы торжественно осудить и обличить моральный упадок Запада. Польско-американский писатель Ко-синьский, спасшийся от гитлеровских газовых камер и ставший гражданином Соединенных Штатов, отвечает ему возражением, что ограничения, налагаемые демократией на высоких особ (пример — злоключения Никсона),— это цена общественной свободы. «Он не понял, что демократия передко представляет собою промежуточное состояние между тиранией, низвергнутой ею, и тиранией, грозящей возродиться». Композитор-эмигрант Андрей Волконский горячо упрекает Солженицына в традиционном для русской мысли заблуждении — в незнании реальности (Матренынин приналежат прошлому).

Гарвардская речь могла бы быть написана и в России; американская действительность тут ни при чем, она выступает лишь на самой поверхности, да и то — в форме стереотипов: разгул порнографии, ослабление воли нации, потеря святынь... У Солженицына нет ни времени, ни, еще того менее, потребности всматриваться в какую бы то ни было реальность, кроме русской. Он — слепая Кассандра, неприкосновенный кусок русской судьбы за пределами России. Он не судит, не размышляет, не пророчествует иначе, как исходя из русского «становления будущего».

Непонимания и недоразумения, которыми сопровождается карьера Солженицына, восходят отчасти к его тактическому гению: он открывает свои позиции лишь мало-помалу. Долгое время его представляли нам как «социалиста с человеческим лицом», как критика социализма, но — изнутри. Естественно, что те, кто напечатал «Один день Ивана Денисовича», пожелали прикрыть рассказ комментарием такого

типа. От этой тенденции не свободна и краткая вступительная заметка Твардовского «Эта суровая повесть — еще один пример того, что нет таких участков или явлений действительности, которые были бы в наше время исключены из сферы советского художника и недоступны правдивому описанию. Все дело в том, какими возможностями располагает сам художник». Дальнейшие споры показали со всею ясностью, как трудно советскому обществу «переварить» это краткое повествование, отменяющее столь важное табу. Конечно, появление рассказа, которому покровительствовал сам Хрущев, вызвало единодушные похвалы советской печати, но скоро наружу пробился упрек, ставший впоследствии каноническим: произведение не вмещается в более общую концепцию советской жизни.

1963 год завершился ожесточенной полемикой между «Литературной газетой» и «Новым миром». Критик Овчаренко, опытный защитник социалистического реализма от модернизмов всех мастей, в конечном счете прекрасно обобщает недоумение тех, кто не мог понять, как это Хрущев разрешил напечатать Солженицына: «Диспропорция между частным и общим, недостаточная диалектичность в познании и воспроизведении действительности, явное предпочтение «вечному», «неизменному» в ущерб новому, зарождающемуся, подмена или «расширение» принципов социалистического гуманизма, ведущие к ложной идеи абсолютной доброты, абсолютного сострадания, абсолютной справедливости,— все это, в лучшем случае, заставило писателя придать слишком важное, общее значение явлениям случайным и частным». Атака идет с двух сторон одновременно: Солженицын делает из одного дня символ целой жизни, иными словами — непозволительно обобщает, а с другой стороны, его герой слишком пассивен. «Строитель коммунизма» должен быть сильным, решительным, мужественным; смиренные и кроткие существа, вышедшие из-под пера какого-то Солженицына, не имеют с ним ничего общего. «С каких пор начали мы причислять дух жертвенности к нашим национальным чертам» (Юрий Барабаш). Другие критики, возможно, менее искренние, осуждали архаичность мысли и языка, «лесковскую» фразеологию.

Не станем задерживаться на этой советской полемике. С наложением запрета на Солженицына она прекратилась, хотя было еще несколько арьергардных залпов: Лак-

шин пытался защищать того, кто по-прежнему был любимым автором «Нового мира», кого журнал — безуспешно — выставлял на Ленинскую премию (в 1964 году). Сама собой открытая полемика переместилась за рубеж. В Советском же Союзе «дело» Солженицына, начатое в 1967 году, завершится его исключением из Союза писателей, но это произойдет при закрытых дверях. В СССР Солженицын превратится в «кноп-person». Все его сочинения исчезнут из библиотек и библиографий.

Самая умелая попытка «вернуть» Солженицына принадлежала венгерскому философу-марксисту Дёрдю Лукачу. Он изображал Солженицына как «плебейского» (некоммунистического) критика социалистической действительности. Солженицын для него — «разоблачитель противоречий сталинского социализма», провозвестник будущих споров. Он лишь предтеча, «неловкий» и «неуклюзий»; так Лев Толстой, по Ленину, был лишь «зеркалом», а не действующим лицом русской революции.

Солженицын стоит в центре широко известной полемики об экономической и социальной «конвергенции», сближении систем капитализма и социализма. Крестный отец этой теории — американский адвокат Сэмюэл Писарж; в какой-то период ее поддерживал Сахаров. Отклик полемики мы находим в первой статье сборника «Из-под глыб». В ней Солженицын отвергает «конвергенцию», грозящую уничтожить национальный русский дух, признаки возрождения которого уже заметны. «Сахаров упускает возможность существования в нашей стране живых национальных сил». Прогресс, интеллектуальная свобода и даже демократия для Солженицына — не более, чем «идолы рынка». Он цитирует философа Сергея Булгакова, соавтора Бердяева и других по сборнику «Вехи» (1909): «Западничество есть духовная капитуляция перед культурно сильнейшим». Сахаров отвечал обвинением Солженицына в «изоляционизме». По мнению ученого, наследника века Просвещения, отца «русского атома», наука не знает границ и несет исцеление нашим бедам; Солженицын, также человек точных знаний, возражает, ссылаясь на исследования и выводы Римского клуба о скором исчерпании источников энергии, и призывает русский народ к «самоограничению». Уже в 1948 году, на шарашке, подобные же споры шли между ним и его другом, марксистом Львом Копелевым.

В одном из ходов того же спора было

затронуто право на эмиграцию. Сахаров отстаивал это право во имя всеобъемлющей концепции человека; Солженицын готов уважать лишь бойцов, которые не уходят со своих позиций (и, тем самым, осуждает Синявского, Некрасова, Максимова, Галича, выбравших эмиграцию). Юлий Даниэль — он остался в России, меж тем как его однодельец по процессу 1966 года Андрей Синявский эмигрировал в Париж — ответил, что это значит обесценить богатое и разнообразное творчество первой русской эмиграции, которая, через Цветаеву, Бунина, Шагала, внесла незаменимый вклад в русское искусство XX века. По-своему откликнулся Синявский, напомнив в статье «Литературный процесс в России» о «другом лице» России — лице мачехи, тупой и жестокой, доведшей до безумия столько своих сыновей. «Но все бегут и бегут. Россия-Мать, Россия-Сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобою и выброшенное потом на помойку, с позором, — дитя!..» («Континент». 1974. № 1. с. 183).

Такова ирония событий: «западник» Сахаров остался в России; «почвенник» Солженицын присоединился, вопреки своей воле, к беглецам и нашел приют сперва в Цюрихе, а потом в Соединенных Штатах. И словно для того, чтобы признать, парадоксальным образом, его правоту, Андре Мальро заявил: «Солженицын, вся сила которого была в том, что он говорил свое, находясь в лапах государственной полиции и точно зная, где он находится, становится теперь эмигрантом. Этот эмигрант говорит вещи, сами по себе важные, но, на мой взгляд, мера тут уже совсем иная. Выдающихся эмигрантов было немало, и не только из России. Позиция очень благородная, но далеко не всегда очень важная».

Каждый шаг Солженицына вызывал споры. Вот он принимает участие (отдаленно, неохотно) в основании журнала «Континент» в 1974 году («Не лучшая форма и не лучшая территория для появления свободного русского журнала, куда бы на сердце было светлей, если бы и все авторы и само издательство располагались на коренной русской территории») — и навлекает на себя громы и молнии Гюнтера Грасса, который в октябре 1974 года обвиняет его в том, что он сделался союзником реакционной печатной империи, концерна Шпрингера. Вот он создает Общественный русский фонд помощи заключенным и их семьям — фонда, которому он уступает все доходы от продажи «Архипелага ГУЛАГ», как Толстой когда-то отдал духоборам доходы от «Вос-

кресения», — и схватывается с налоговым управлением цюрихского кантона, которое не согласно признать эту уступку соответствующей букве закона. Между тем в Москве Александр Гинзбург, автор Белой книги о процессе Синявского — Даниэля, расплакивается третьим арестом за раздачу субсидий из солженицынского фонда, продолжавшуюся три года.

Солженицын не боится разжигать споры. Он обличает выдачу Иденом (по требованию Сталина) всех советских пленных после войны. В недавно вышедшей книге* граф Николай Толстой показал с документами в руках: британские власти знали, что имеют дело с «репатриантами» поневоле, которые никаких военных преступлений не совершили и которых на родине ожидала судьба далеко не завидная. Выступление Солженицына по английскому телевидению вызвало отклик более, чем громкий. В Англии открылась подписка на сооружение памятника этим жертвам «интересов Государства».

Его вторая жена — еврейка по матери, но и за всем тем он не избежал обвинений в антисемитизме. В статье 1974 года Жан Катала отметил, что еврейские писатели, убитые Сталиным, обойдены в Архипелаге молчанием, зато еврейские имена первых чекистов, основателей ГУЛАГа, выставлены на видное место... Упрек этот не вполне справедлив, однако новую пищу полемике дала публикация «Ленина в Цюрихе», где Парвус представлен как некое дьявольское и космополитское начало в русской революции. Симон Маркиш в статье о еврейских образах у Солженицына очень осторожно исследует не осознанное самим Солженицыным наследие — стереотип еврея-мстителя, образ, восходящий к четырнадцатому веку**. Еврей Цезарь Маркович из «Одного дня...» — разве не вывел его автор чем-то вроде «тыловой крысы» в лагерной войне за существование? Разве не сказал он о чекисте Френкеле в «Архипелаге ГУЛАГа»: «Мне представляется, что он ненавидел эту страну? К кому это относится — к чекисту или к еврею? Многие заметили, что в списке народов, пострадавших от русских, евреи не значатся. Правда, Солженицын несколько раз выражал свое восхищение Израилем, но, помимо того, что эти комплименты можно толковать как адресованное к русским евреям приглашение

* Nikolai Tolstoy. "The Secret Betrayal". New-York, 1978.

** По-русски — в журнале «Сион» № 14. Тель-Авив, 1976; по-английски — «Soviet Jewish Affairs» Vol. 7 No 1, London, 1977.

покинуть Россию, где им делать нечего, он уснащал свои похвалы достаточно удивительными рассуждениями о теократических достоинствах Государства Израиль.

Наконец, самый серьезный и важный из споров — полемика о «русскости» или «нерусскости» революции 1917 года. В противоположность Бердяеву и Франку, которые видели в 1917-м году вершину и свершение русского максимализма, Солженицын формулирует резко и однозначно: это чужаки, пришельцы устроили у нас революцию, и главной ее жертвой стал русский народ. Массовое истребление русского народа — вот его основной довод. Историк сталинизма Рой Медведев выступил с поправками к «Архипелагу». Но, помимо частных поправок, Медведев обвинил Солженицына в непростительной ненависти и презрению к большевистским жертвам лагерей. Медведев отмечает не только сарказмы, весьма далекие от милосердия, но и противоречия, или, скорее, одно капитальное противоречие: как можно осуждать «ложь всех революций», уничтожающих носителей добра и зла без всякого разбора, и, одновременно, воспевать «сорок дней Кенгира», благословлять нож, кое-как смастеренный из консервных банок? Редко когда Солженицын раскаивается или испытывает потребность в оправданиях, но предисловие к американскому изданию «Архипелага» — одно из таких редких исключений. Солженицын предупреждает против неверного истолкования восстания в Кенгире, обеляющего насилие. Кенгир, заявляет он, не имеет ничего общего со «слепым» терроризмом. Медведев нашупал, вероятно, самое органическое для «солженицынского механизма» противоречие: этот апостол своеобразного непротивления злу насилием, ограничения экономического развития, национального аскетизма, — в котором он усматривает русский путь по преумуществству, — в то же самое время и борец, наделенный поразительной воинственностью. Гимн Кенгиру — один из самых прекрасных гимнов бунту, сложенных в нашем веке. Но как связать Кенгир с Матреной?

Этой слабостью солженицынского творчества воспользовался друг Солженицына по катаре Дмитрий Панин, выведененный в «Круге первом» под именем Сологдина, когда упрекнул бывшего друга в том, что он не зовет к крушению Советской России изо всех своих сил. Сологдин-Панин — это преувеличенный до последней крайности Солженицын, который многим обязан своему прежнему товарищу по шарашке. Некоторые перемены, которые, как мы уви-

дим, претерпел образ Сологдина в «Круге», находится, возможно, в связи с этой ссорой.

Великие убеждения несут в себе долю ослепленности, есть теневая сторона в великих истинах. Каждый из оппонентов Солженицына вправе не признавать той или иной из сторон этого монолита. Писатель-пророк, борец в первую очередь, Солженицын и впредь, пока голос его не умолкнет, будет вызывать ожесточенные споры. Одни подозревают его в мании величия. Другие насмехаются над его иконой Матрены. Антисемит ли он? несправедлив ли к патриарху Пимену? не знает меры в осуждениях? схематичен в исторических толкованиях? совсем не по-христиански ненавидит уголовников в лагере? чересчур скор в обвинениях против Шолохова? неоснователен в своем приговоре Америке? Солженицын отважился дойти до предела человеческого отчаяния, до того рубежа существования, на котором, как говорит Шаламов, человек начинает ощущать, как самое дно Жизни навсегда поселяется в его собственной жизни. Творчество Солженицына пылает на костре неизречимого человеческого страдания. Огненное колесо отчаяния вертится на его горизонте, юная святая горит на костре, и автор-свидетель шепчет самому себе: «Этому огню и тебе, девушка, я обещаю: прочтет о том весь свет» (*«Архипелаг ГУЛАГ»*). Торжественная важность этой клятвы передается и ему самому. Этот огонь, это красное колесо послужат объединяющим символом для всего его творчества, ибо огонь костров знаменует испытание и спасение. «Сестренка», которая молит о прощении, станет Беатриче этого нового Данте. Огненное колесо — одновре-

Жорж Нива. Солженицын

менно и колесо судьбы, и жернов, переламывающий судьбы, и ореол святого...

Мы не можем мерить Солженицына меркою привычных для наших интеллектуальных споров понятий: левый — правый, пассеист — прогрессист, националист — универсалист, предопределение — экзистенциализм. Или, пожалуй, да, можем, но только сперва нужно самим надеть на шею этот огненный жернов. Творчество Солженицына — испытание для каждого из нас, жизненное испытание. Нужно принять и пережить его, прежде чем взвешивать на каких бы то ни было весах. Чтение *«Архипелага ГУЛАГ»* — необходимое испытание. *«Архипелаг»* сжигает своего читателя и не отпускает его. Затем мы вступаем на экзистенциальный путь, который не зависит от того или иного мнения. Он втягивает нас в механизм тоталитаризма и тоталитарного производства человеческих отбросов. Конечно, до Солженицына были Давид Руссе, Ольга Вормсер, Эли Визель, Леон Поляков, писавшие о нацистских лагерях, Юлий Марголин, Варлам Шаламов, рассказавшие о ГУЛАГе. Он не единственный историк этого производства. Другие до него тоже «мыслили о том, что отнимает способность мыслить», — по слову Клода Лефора. «Последний кровавый акт самой прекрасной комедии» (как сказал Паскаль), смерть — ничто против отрицания смерти, чудовищного позора ээка, извергнутого из биологической общности сортировочной машиной для человеческих особей. Да, «приятие» Солженицына было делом нелегким — вопреки видимости всеобщей славы. Ибо мысль об этой смерти в смерти, об этом двойном отрицании человека — невыносима. Мы все пытаемся ее оттолкнуть.